

Nadezda Starikova
Moskva

UDK 821.163.6-311.6.09
Tavčar I.:94(497.4)"165"

ЭПОХА РЕФОРМАЦИИ В СЛОВЕНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ (РОМАН И.ТАВЧАРА «ХРОНИКА УСАДЬБЫ ВЫСОКОЕ»)

Ivan Tavčar v svojem zgodovinskem romanu – kroniki Visoška kronika spaja nacionalno zgodovino in človeške značaje ter riše zasebno življenjsko usodo kot utelešenje nacionalne zgodovine (socialne, verske in etične), dokumentirano poustvarja dobo protireformacije v drugi polovici 17. stol. Med drugim ga zanima vloga reformacije ter problem religioznosti in religioznega fanatizma kot sestavini nacionalne identitete. Kot vodilno gibalno dobo avtor vidi strah, predvsem strah pred bogom, javnim mnenjem in samim življenjem, ki je nevarno. K zgodovinskemu ozračju dobe in vzrokom za protislovja, ki opredeljujejo romaneskno podlago, tj. iskanje izstopa iz te logike samouničenja, socialne determiniranosti in verskega sovraštva, ki so v tistem času skoraj prevladali nad ustvarjalnimi tendencami, prispeva tudi umetniška semantika vsakdanjosti.

slovenska zgodovina, verska dogma, nacionalna identiteta, protestantizem, socialna determiniranost

Having united history and human characters, I. Tavčar in his historical novel *Visoška kronika* has represented a personal destiny as a realization of national history (social, religious and ethical), recreated the age of counter-reformation during the second part of the 17th century. One of the main problems the author is interested in is the importance of reformation and the problem of religiosity and the religious fanaticism as components of national identity. The motive power of the age for Tavčar is the fear of God, public opinion and life itself, which is dangerous. Artistic semantics of ordinary life constitutes the historical atmosphere of the age and its basic conflict. The writer searches for the way out of the situation of social dependence and religious animosity, dominated then in slovenian society over constructive tendencies.

slovenian history, religious dogma, protestantism, national identity, social conditionality

Историческая тема становится одной из ведущих в словенской прозе после 1848 г. Она находит отражение в произведениях ряда авторов XIX–XX вв., среди которых Я.Трдина, Й.Юрчич, Е.Должан, Ю.Вранич, А.Царли, И.Лах, И.Тавчар, Ф.Финжгар и многие другие. Опираясь на события отечественной истории, воссоздавая местный колорит и историко-культурную атмосферу, эти прозаики через национально окрашенный, подчас легендарный материал, стремились, каждый на своем уровне, отразить своеобразие национального характера на определенном отрезке исторического времени. Порой в их

творчестве на первый план выдвигается и этико-религиозный аспект, связанный в первую очередь с эпохой Реформации, что отнюдь не случайно. Реформационное движение оставило заметный след в истории словенской культуры, способствовало формированию самосознания народа на основе единого языка, что в конечном итоге привело к созданию словенцами своей этнической и культурной общности. В отдельных своих произведениях писатели стремятся осмыслить значение и последствия эпохи Реформации – одного из ключевых этапов в истории Словении – для участи народа в целом.

В романе «Хроника усадьбы Высокое» (1919) И. Тавчар обращается к теме истинной веры и вероотступничества (сын-католик – отец-протестант), видя в ней предпосылки формирования некоторых черт национального характера. Религиозные противоречия, по мысли прозаика, не могли не повлиять на систему жизненных ценностей, самоидентификацию, самосознание, самооценку словенца XVII в., во многом обусловили специфику его личности. Автор обращает внимание на религиозную составляющую национальной идентичности т.е. то, как христ-ианская этика была реализована в конкретной геополитической, социокультурной, этнической среде, одним из первых в словенской литературе пытается связать особенности внутреннего мира, психологии и менталитета своих земляков с их конкретной исторической, социальной и религиозной судьбой. Исследуя генезис драматических противоречий, разрывавших общество и человеческое сознание, прозаик отчасти проецирует общественно-историческое содержание своего времени на коллизии национального прошлого, утверждая представителя крестьянского сословия в качестве основного носителя этнической идентичности. От «чистого» романтического мировидения молодого Тавчара в романе уже практически ничего не осталось, неодолимость расстояния между идеалом и реальностью и скрытый трагизм этого противоречия перестал быть для него привлекательным. Историческая действительность в изображении Тавчара сурова, а иногда и просто неприглядна. Вместе с тем одной из главных идей «Хроники [...]» оказывается обретение личностью самоуважения через осознание осмысленности самой человеческой жизни, которая, по мнению писателя, социально и религиозно детерминирована.

В жанре литературной хроники у писателя не было предшественников – никто в словенской литературе до Тавчара не пытался, имитируя мемуарные документы, рассказать историю семьи, рода, поместья на протяжении целой человеческой жизни. Изидор Каллан, вымышленный повествователь-хронист, от лица которого ведется рассказ, – фигура для классической европейской хроники нетипичная, это не монах-летописец и не знатный феодал, а простой крестьянин, обученный грамоте. Он записывает историю своей жизни в назидание потомкам, фактически это исповедь перед Богом и людьми, а не собственно последовательная дневниковая фиксация важнейших событий. Поэтому в качестве основного критерия отбора эпизодов использован фактор

участия в них повествователя – он фиксирует то, чему сам был свидетелем. Исключение здесь составляют несколько реминисценций в более отдаленное прошлое (1631, 1645, 1648 гг.), где речь идет о военных подвигах отца рассказчика. Записки датированы 1695 г. и снабжены припиской сына хрониста Георгиуса Постумуса, из которой следует, что отец его умер 20 декабря 1710 г., прожив сорок шесть лет (возраст типичный для мужчины позднего Средневековья). Историческое время, охваченное в романе, – период с 1631 по 1716 г., – включает в себя предысторию отца героя и судьбу семьи и усадьбы после смерти повествователя.

Прозаик взялся за хорошо знакомый ему историко-документальный материал из архива Шкофьелокского замка и использовал сведения, почерпнутые из историко-культурного исследования Ф. Коса «Дополнения к истории Шкофьей Локи и ее окрестностей» (1894) и исторической хроники «Слава герцогства Крайна» Я. В. Вальвазора (1689). Будучи родом из Шкофьей Локи, старинного городка, расположенного в Верхней Крайне и около тысячи лет бывшего резиденцией католических иерархов, Тавчар с 1893 г. сам владел усадьбой Высокое, купив ее у реальных Каланов, семьи, над которой, согласно преданию, тяготело роковое проклятье. То есть, писатель хорошо знал жизнь Локского края, и быт здешних крестьян. Прямое влияние на их судьбу оказал ряд специфических историко-политических факторов. В 973 г. император Священной Римской империи Оттон II подарил фрейзингским епископам поместья (с правом чеканить свою монету) в месте слияния двух рек: Полянкой Соры и Селцкой Соры к северо-западу от Любляны. Там к концу XIII в. была построена столица Лока с замком-крепостью. Управлял епископским хозяйством с правом проживания в замке один из богатых феодалов, выбираемый из местной знати, а для решения вопросов обороны приглашался воевода. Новые владельцы стали заселять Полянскую Долину каринтийскими словенцами, «разбавляя» их баварцами и тирольцами, и к началу XVII в. область была заселена полностью. Таким образом, словенские крестьяне Полянкой Долины были зависимы от шкофьелокского епископа, которому платили обязательную десятину, от немецких феодалов (им отработывалась барщина), должны были платить налоги в габсбургскую казну и, при этом, подвергались дискриминации по этническому признаку – были людьми «второго сорта» в сравнении с немецкими колонистами.

Первоначальный замысел писателя подразумевал трилогию: создание эпической панорамы прошлого родных мест в трех частях – период Контрреформации, эпоха Марии Терезии, наполеоновские походы, с доведением действия до первой четверти XIX в. Замысел не был полностью реализован, однако даже первая часть неоконченного проекта стала важной вехой не только для творчества Тавчара, но и для национального исторического жанра в целом. Соединив историю и нравы, романист показал частную жизнь и судьбу крестьянина из Верхней Крайны как воплощение национальной истории -

нравственной и социальной, с документальной точностью воссоздав эпоху Контрреформации второй половины XVII в.

Семнадцатое столетие в истории Европы отмечено как очень рациональный, жестокий век, когда начинается активный процесс централизации власти и церкви, которые объединяются, чтобы установить жесткий контроль над обществом в политическом, социальном, духовном плане и даже над интимной жизнью личности. В ряде государств, в том числе в монархии Габсбургов, усиливаются абсолютистские, централизаторские политические тенденции. Не ломая старых давно сложившихся институтов в своих наследственных землях, венское правительство ограничивало их права, подчиняя своему военному, экономическому и культурному контролю. Абсолютизм был озабочен поиском завоевательной культурной модели, которая могла бы унифицировать любую индивидуальность, подчинить ее себе. Процесс этот начинается в XVII в. с подчинения духовной и физической жизни личности государству, что позволило механизму власти свободно функционировать. Безоговорочный авторитет в лице императора базируется на осознании и понимании каждым индивидуумом сложной системы иерархической лестницы и, как следствие, на послушании. Поставленная цель достигалась с такой бесчеловечностью, что заставляла современников соблюдать установленный порядок. Тогда впервые и начала функционировать «политическая технология души» (Muchembled 1991: 255), основанная на монархическом государственном устройстве. Стоящий во главе государства император уподоблялся Богу, его авторитет был непререкаем, он олицетворял собой отца народа. В «Хронике словенской истории» отмечено:

В 1657 г. после смерти Фердинанда III престол цесаря и властителя австрийских земель унаследовал его сын Леопольд I. Долгий период его царствования (до 1705 г.) имел большое значение как в области внутренней, так и внешней политики: в продолжительной борьбе с турками была завоевана турецкая часть Венгрии, и с 1687 г. Венгрия становится наследственной частью империи. Он укрепил централизованную власть и вел успешную экономическую политику. Австрийские земли начали осознавать взаимовыгодность отношений друг с другом и государственное единство. (Marolt 1999: 112.)

В установлении абсолютной монархической власти важнейшую роль играла церковь. Именно она, последовательно исполняя функции надзора и контроля над членами общества, активно борясь с «суевериями», язычеством, вероотступничеством, способствовала подчинению граждан установленному порядку, внедряла этические нормы, основанные на дисциплине и повиновении Богу и императору. Контрреформация и борьба с религиозным инакомыслием изменяет равновесие, существовавшее в христианском мире почти тысячу лет. У церкви появляется своя настоящая католическая полиция, схожая с военной. По инициативе Шарля Борромея, архиепископа миланского в период 1564–1584 гг., европейские епархии становятся «хорошо орга-

низованными армиями со своими генералами, полковниками и капитанами» (Muchembled 1991: 257). Разрушается идея братства и пропагандируется иерархическая модель церкви, католичество становится «религией страха». Особая роль отводится фигуре священника, который, зная грехи каждого в отдельности, может манипулировать прихожанами, разрушить семейное согласие, заставлять суеверных людей следовать Евангелию, – и таким образом внедрить идеологию абсолютизма в сознание каждой отдельно взятой личности.

Государство и церковь начинают воспитание нового типа личности, личности покорной, не способной к саморазвитию, усредненной, слепо следующей навязываемым авторитетам. Такой индивидуум не ощущает своей исключительности, может контролировать свои страсти и трудиться на благо того общества, которое ему навязывают. Император и привилегированные слои понимали выгоду от человека низкого и механистичного, который меньше всего осмелился бы открыто бунтовать, ведь выступая против первого лица государства, гражданин восставал против самого божественного порядка, против мировой гармонии. Возникает своего рода «политическая технология тела», когда каждый человек воспитывался с мыслью о том, что его тело не принадлежит ему полностью, а находится в распоряжении родителей, короля, Бога, т. е. личность оказывалась зависимой от всех вышестоящих, знающей свое место в социуме. Король и Бог наглядно демонстрировали, чем грозит непослушание. Искаленные тела были воплощением социальных норм времени. Закон абсолютной власти осуществлялся путем насилия – через умерщвленную или изуродованную плоть преступников. Каждый искаленный напоминал своим видом современникам, что их тела принадлежат императору, так же как Богу. Каждый вид казни имел свое значение: вор терял часть тела, убийца лишался тела, колдунов и ведьм сжигали на костре, праздных бродяг осуждали на тяжелейший труд на галерах, виновник преступления против императорской персоны «терпел тысячу смертей». Так абсолютистское правосудие определяло грани личной или общественной свободы.

Исторической предысторией романа Тавчара становится Тридцатилетняя война (1618–1648) с ее религиозным противостоянием и абсолютным равнодушием монархов к интересам своих подданных, и это автоматически помещает действие национальной хроники в широкий европейский исторический контекст. Прозаик ориентируется на реальные исторические вехи (Вестфальский мир 1648 г., пожар в Шкофьей Локе в 1660 г.) и лица (командующий войсками габсбургского блока А. Валленштейн, шведский король Густав II Адольф, локский епископ Янез Франциск Эдкер, житель Шкофьей Локи, ювелир Юрий Фройбергер, умерший в 1666 г., и др.). Особое место уделено и религиозной истории словенцев, в подтексте главного конфликта романа – конфликта отца и сына – лежит прежде всего религиозное

противостояние протестанта и католика. В тексте об этом говорят такие детали, как цитирование центральной книги словенских протестантов - Библии Юрия Далматина (1584), запрещенной в описываемый в романе период, или упоминание о выдающемся деятеле Контрреформации люблянского епископе Томаже Хрене (1560–1630).

Психология героев Тавчара сформирована эпохой – феодальным общественным устройством, социальным положением, конфессиональной принадлежностью, этнической принадлежностью, всем «богобоязненным духом XVII века» (Paternu 1957: 143), наконец, влиянием семейных, патриархальных отношений.

Тема Реформации воплощена в романе через историю жизни первого хозяина усадьбы Высокое Поликарпа Каллана, рассказанную его сыном. Судьба Калана-старшего трагична. Это сильный, властный, жесткий, много повидавший человек, способный принимать решения и нести за них ответственность. Он поздно обрел родовое гнездо и дорого заплатил за семейное благополучие, лишь в пятьдесят родил первенца и дожил по меркам эпохи до глубокой старости – до семидесяти шести лет (скрытый намек на главного словенского протестантского долгожителя – П. Трубар прожил семьдесят восемь). Его личность окутана тайной, основа которой – безоговорочная приверженность «старой вере».

Протестантизм на словенских землях просуществовал в общей сложности около полувека, если за точку отсчета взять 1550 г. (появление первой словенской книги). В 1598 г. протестанты были изгнаны за пределы Габсбургской империи, но очаги Реформации продолжали сохраняться, несмотря на все попытки католической церкви искоренить отступников. На рубеже XVI–XVII вв. на словенских территориях насчитывалось до 200 тыс. тайных реформатов (Cvirn 2000: 173). Для протестанта Поликарпа Каллана, рискующего жизнью ради религиозной идеи, именно вера становится способом обуздания страстей и попыткой примирения с самим собой, его стремление следовать христианским заповедям и самозабвенное раскаяние возникают не из страха перед палачом, но благодаря религиозному чувству, трансформированному в основополагающий жизненный принцип. При этом его раздираемая противоречивыми переживаниями натура – прямое порождение жестокой и невежественной эпохи. Однако этот «твердый, темный, бессердечный хозяин», несущий на себе «кровавые грехи», показан как человек отнюдь не бессовестный, а глубоко и искренне верующий. Но даже вера не смогла смягчить те душевные терзания, которые постоянно испытывает герой, преследуемый воспоминаниями прошлого. «Ночи не приносили ему успокоения, и на него опять наваливалась скала – и старик ощущал страх, отчаяние и безнадежность, будто был под мельничным колесом, которое тянуло его глубоко под воду». Понимая, что муки совести страшнее голода, холода и бесчестья, первый владелец Высокого стремится оградить старшего

сына от повторения своих ошибок и прегрешений, но делает это продиктованным варварским духом времени чудовищным способом: по первому подозрению в краже отрубает сыну палец. Теперь он уверен, что ребенок запомнит урок и больше никогда не возьмет чужого. Впоследствии, разобравшись в причинах поведения сына (подражая отцу-солдату, тот мечтал о настоящем кремневом ружье с инкрустированным прикладом, это тайная мечта могла реализоваться с помощью случайно найденной монеты), Поликарп купит ему оружие, но мальчик останется равнодушным. Урок, извлеченный им из наказания, не связывается с понятием «воровство», скорее, маленький Изидор впервые осознает, что инициатива, личное желание, самоутверждение несовместимы с истинной верой, что это есть грех. Подводя итоги описанному эпизоду, хронист интерпретирует его как свое первое серьезное испытание: «Великий Судия направил тот солнечный луч, что осветил золотой для искушения ребенка-грешника, и отец наказал сына».

Эпоху позднего Средневековья в романе характеризует нетерпимость во всех сферах человеческих отношений. Жестокость являлась доминирующей чертой человека, практически безразличного к несчастью или смерти другого. Отчасти эта нечувствительность была средством защиты от страха смерти, присутствовавшей повсюду. «Исследования преступности в XV, XVI и даже в XVII веке доказали, что большое количество убийц и виновных в нанесении особо тяжких ранений действовали, не подумав, в состоянии ярости, аффекта. Так они в одно мгновение избавлялись от своей агрессии [...] Очевидно, что у разномастных актеров этих драм накопилось большое ощущение опасности, находящее выход в неконтролируемой жестокости, резкой, грубой, не медлящей выйти наружу.» (Muchembled 1991: 43.) Поскольку агрессивность в этом контексте – прямое следствие страха, жестокость возникает из-за отсутствия четких духовных ориентиров. Это жестокость слабых, – средневековый человек слаб; наблюдая, как смерть бродит повсюду, он надеется избежать ее при помощи смерти других, случайного врага или казненного на глазах осужденного. Стремясь передать это настроение эпохи, Тавчар вводит в роман несколько весьма натуралистичных эпизодов. Самой яркой является сцена отрубания пальца.

«Ты запомнишь, что украл», – с этими словами он схватил острый фурланский нож, забытый кем-то на столе. Выругался не по-нашему. Лево́й рукой сгреб четыре мои пальца так, что мизинец остался на столе. Взмахнул лезвием и отсек половину, и кровь густыми каплями, словно красный дождь оросила стол. У меня застучало в голове, стол, потолок и Иисус в углу завертели́сь перед глазами. Очнулся я на полу с зажатой меж коленями усеченной рукой, рубашка, носки, сапоги - все было в крови.

Этот случай, названный героем «самым ужасным мгновением [...] жизни», воспоминание о котором он «гнал от себя светлым днем», от которого «в поту просыпался ночью», становится определяющим для последующего формиро-

вания мировосприятия Каллана-младшего. Его личность развивалась под воздействием трех главных факторов: семейно-патриархального (отношения с отцом), религиозного (воинствующий католик, но сын тайного протестанта) и сословного (сын зажиточного крестьянина), в целом связанных с экономическими и социокультурными условиями эпохи. Тавчар фокусирует внимание на том, как объективные историко-культурные факторы: политика германизации, проводимая Габсбургами, деятельность инквизиции, восстания и эпидемии, словом, ситуация постоянного стресса, становятся стимулом к выживанию, помогают словенцу сохранить язык, землю, привычный уклад.

Маленький Изидор одновременно трепещет перед отцом, боготворит его и сострадает ему. В облике Каллана-старшего, представленного глазами хрониста, есть что-то от сказочного богатыря: он «в пятьдесят лет был высок как яблоня и силен как медведь», «поднимал бревна, которые два человека не поднимут», «мог укротить коня, который любого сбрасывает с седла». И от сатаны: «в гневе кровь бросалась ему в лицо, глаза сверкали, на губах появлялась пена», «бессердечен, скор и жесток на расправу, поэтому все, кто мог, бежали от него и скрывались». Однако сильнее ужаса, внушаемого отцом, была привлекавшая сына загадка Поликарпа и связанные с ней экзотические муки и страдания. «Светлыми лунными ночами я прокрадывался к подвалу и там, в напряженной тишине, словно зачарованный, прислушивался, втягивая в себя необычный, опасно привлекательный вкус и запах неизвестного проклятия, смирения и безысходности. И простор божественной убежденности открывался мне». Когда же мать случайно проговорила и тайна отца стала известна сыну, мальчик сначала испытывает страх потерять родителя, лишь потом, где-то в глубине души возникают ростки осуждения отцовского вероотступничества: «Отец – лютеранин! И за это ему отрубят голову! А эта голова была для меня самой лучшей на свете! О, Иисус! О, Иисус! О, Иисус! [...] Я дрожал перед ним, но я был счастлив, что у меня такой отец». Подробный рассказ-ретроспекция об истории взаимоотношений с отцом в первой главе, в котором повествователь старается придерживаться хронологического порядка изложения фактов и с позиции взрослого человека описать свои детские переживания, заканчивается искренней мольбой хрониста, свидетельствующей о том, как много, несмотря на все принесенные страдания, значит для него его ныне покойный отец: «Я могу отречься от всего, но, Создатель, пусть моего смирения хватит на двоих - тогда на небесах я не расстанусь с тем, кто меня породил». Именно от отца-протестанта Изидор генетически унаследовал свой религиозный фанатизм, сделавший его на какое-то время заложником стереотипов и догм, ибо внутренняя свобода и самостоятельность личности в данном случае исключаются.

Итак, в романе «Хроника усадьбы Высокое» Тавчар делает несколько важных для исторического жанра открытий. Создавая эстетически завершенный образ-личность, осуществляющий, по Бахтину, «некую необходимую

правду жизни» (Бахтин 1979: 157), Тавчар одним из первых в словенской исторической прозе через индивидуализацию прошлого обращается к темам «человек и религия», «человек и история», видя в них главные предпосылки формирования черт национального характера, он убежден, что протестантизм оставил свой глубокий след в сознании словенцев. Речь идет о религиозной и социальной составляющих национальной идентичности, о том, как христианская этика была реализована в конкретной геополитической, формационной, языковой среде. Как отметил М. Крамбергер, Тавчар написал хронику «о словенской земле и ее людях, которые каждые сто лет (очевидно символично) становятся к ней ближе, проходя обряд инициации, и углубляют ощущение своей этнической идентификации» (Kramberger 1964: 249).

Исследуя генезис драматических противоречий, разрывавших общество и человеческое сознание, через анализ их зарождения и развития, автор романа главное внимание уделяет этическому смыслу и психологическому резонансу тех нравственных уроков, которые вытекают из социального анализа прошлого. «Историко-социальный роман признанного классика прозы XIX в. связал эпоху вальтерскоттовского исторического романа с социальной литературой 1930-х годов, пронизанной социально-критическим пафосом.» (Старикова 2006: 96.)

Literatura

- БАХТИН, Михаил, 1979: *Эстетика словесного творчества*. Москва.
- CVIRN, Janez, VIDIC, Marko (ur.), 2000: *Ilustrirana zgodovina Slovencev*. Ljubljana: Knjižnica enciklopedije Slovenije.
- KRAMBERGER, Marjan, 1964: *Visočka kronika. Literarnozgodovinska interpretacija*. Ljubljana.
- MAROLT, Janez (ur.), 1999: *Slovenci skozi čas: kronika slovenske zgodovine*. Ljubljana.
- MUCHEMBLED, Rene, 1991: *Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XVe–XVIIIe)*. Paris.
- PATERNU, Boris, 1957: *Slovenska proza do moderne*. Копен.
- СТАРИКОВА, Надежда, 2006: *Словенский исторический роман 1920–1930-х годов. Типология, генеалогия, поэтика*. Москва.